

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборку из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

22.1.12

№ 23 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!

Вот уже и отпраздновали мы своего рода залп новогодних праздников. И Рождество по старому стилю. И Рождество по новому стилю. И Новый Год по старому, и Новый год по новому. И, наконец, Крещение Господне – этот светлый январский праздник.

Крещение Господне, как мы знаем, это главный рубеж в земной жизни Иисуса Христа. До Крещения Иисус жил самой обычной для всех людей жизнью. Был плотником-строителем. В «поте лица» зарабатывал на хлеб себе и содержал семью. А вот **после** Крещения, Он уходит в пустыню на 40 дней – молится там, ничего не ест, испытывает дьявольские искушения и сразу же выходит на проповедь Евангелия. Впереди у Него три с половиной года, полностью посвящённых общению с людьми. Эти годы еще называют общественным служением Христа. Собираются толпы, и Он выступает с поучениями – рассказывает Свои неповторимые, увлекательные и назидательные притчи, исцеляет больных, возвращает зрение слепым, поднимает на ноги паралитиков. И так - три с половиной года хождений по городам и весям Палестины, закончившиеся большим человеческим Ему «спасибо» – Голгофой и казнью на Кресте.

И вот нынешнее воскресное Евангельское чтение приурочено к первым словам проповеди Иисуса. Собственно, это тот же призыв, который обращал к людям и Креститель Иоанн: «**Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!**».

«Покайтесь» – слово это, в общем, нам знакомо. У всех нас даже яркие ассоциации возникают при произнесении слова «покаяние». Ассоциации, по большей части, неприятные. Посыпание головы пеплом – так в древности люди каялись – это такая восточная традиция: одежды поглубже и погрязнее одеть – рубище – такая грубая льняная ткань была. Сейчас пеплом голову не посыпаят за неимением последнего. Пищу-то не на дровах, а на газе или электричестве приготавливаем. Так что, приходится обходиться тем, что просто всплакнуть, или, в крайнем случае, головой об стенку удариться, соблюдая, конечно, некоторую осторожность, чтобы не перестараться.

Но все эти ассоциации не соответствуют тому, к чему призывал Иисус. Покаяние с арамейского языка, на котором проповедовал Христос, переводится буквально – возвращение. Вот, например, бросил муж свою жену, а потом возвратился. Возвратился – значит, покаялся. Блудный сын ушел из дому, гулял, пил, кутил, а потом возвратился домой и стал нормальным человеком – выходит, покаялся. Так вот, «покаяние» – с еврейского – это возвращение. А с греческого – слово «метанойа», «покаяние» – означает **ПЕРЕМЕНУ**. Перемену сознания, перемену образа жизни.

А для того, чтобы переменить свою жизнь, возвратиться «из страны далече» в родной дом, вовсе не обязательно голову пеплом посыпать или испускать душераздирающие вопли раскаяния. Каяться можно и, наоборот, нужно с улыбкой на лице, с великой радостью в сердце.

Покайтесь, говорит Христос, ибо приблизилось Царство Божие.

Что значит Царство Божие? Царство, империя, государство. Каковы главные определяющие принципы того или иного государства? В первую очередь, наверное, это территория, это закон страны, права и

обязанности граждан, образ их жизни, какие-то гарантии социальной защиты и т.д.

Так вот, Иисус провозглашает **НОВЫЙ ЗАКОН**: Любите друг друга так же, как Я возлюбил Вас, т.е. до смерти на Кресте. И поступайте друг с другом так, как хотите, чтобы с Вами поступали. Более совершенного законодательства не было никогда и не будет во веки веков. Это высший Божественный идеал – это закон Неба. И Царство Божие поэтому еще называется Небесным. Не в том смысле, что оно где-то там, в заоблачном пространстве. Нет, Царство Небесное – там, где исполняется Божий Закон, небесная конституция.

Если на территории Вашего дома, или Вашей квартиры люди исполняют Божьи заповеди, это означает, что территория вашего жилища, или заводского рабочего места у станка, или директорский кабинет – это территория Божьего Царства, а Вы – подданные не только и не столько страны, в которой мы живем, а подданные Божьего Царства, Божьей Империи. Тогда мы – подлинно граждане Неба.

Обида на священника.

Феномен веры, как мы отмечали с Вами – многовекторный и многослойный. Вера в себя, вера в ближнего, вера в Бога.

В Бога верить – это тоже неоднозначное понятие. Во-первых, это – вера **В БЫТИЕ** Божие, во-вторых – **ДОВЕРИЕ** Богу, в-третьих – это **ВЕРНОСТЬ** Богу.

С доверием Богу хуже всего – это гораздо **большой** дефицит, чем вера в бытие Божие. Доверие действительно требует большого напряжения духовных сил человека. Просто верить, что Бог есть – это не трудно. Поэтому отрицание бытия Божия – это достаточно редкое и странное явление. В принципе, это предрассудок по определению. Что такое предрассудок? Это принятие на веру какого-либо суждения без рассуждения. Ну, вот ему сказали, что Бога нет, он, как попугай, и повторяет. Нормально – это когда человек фильтрует то, что ему говорят, пытается критически осмыслить. И если он слышит разумные, обоснованные суждения, веские аргументы, то он принимает их, соглашается. Это умный человек. А неумный, он услышал глупость и, **НЕ ВКЛЮЧАЯ РАССУДОК**, особенно если думать нечем, пропускает эту глупость в свое сознание без рассудка, игнорируя рассудок. Поэтому это понятие этимологически так и обозначено – **ПРЕД**рассудок. Так вот, отрицание бытия Божия, как мы уже неоднократно подчеркивали – это самый настоящий предрассудок.

Другое дело – вопрос, **почему** живуч этот предрассудок? Более того, нужно иметь в виду, что не верят в Бога люди разные, в том числе и умные, культурные, порядочные, высоконравственные и даже незаурядные личности. Правда, среди интеллектуалов неверующих людей крайне мало. Несравненно больше неверующих людей среди «середнячков». Еще больше неверующих среди людей проблемных; для таких неверие – это, такой вот, своего рода, моральный наркотик. Если, скажем, человек ведет безнравственный образ жизни, а совесть какая-то еще осталась у него, то оно ведь неуютно становится, когда вспомнишь о Боге, о жизни загробной. А тут, вот, говорят: «Бога нет». Ура! Значит, и страшного суда нет, и адских мук. Живи себе, как хочешь. Да, я обманываю других, но в принципе – какая разница. Все будем на кладбище. Всё равно всё закончится могилой. Поэтому, пока еще я живой, от жизни надо взять, как можно больше. Комфортная такая позиция.

Для интеллектуалов, тех, которые не верят, повторюсь – это большая редкость, причины разные. Лень, например. В церковь ходить не хочется. Если уверуешь, то надо как-то жизнь менять. Какие-то обязанности появятся, какие-то ограничения – с чужими жёнами спать нельзя будет, например и т.д. Ну, это, конечно, на уровне подсознания. А так – отговорок много. Например, такие вот рассуждения – если бы Бог был, то он не допускал бы несправедливости на этом свете. Это также отговорка, это не выстраданный вопрос. Потому что для человека среднего развития после минимального умственного напряжения становится понятным, что для того, чтобы установить порядок и справедливость, на самом деле, нужно всех людей на земле лишить самого главного – свободы самоопределения. Превратить человека в такое послушное животное, а еще лучше – в киборга. И запрограммировать всех биороботов на добро, и вот

тогда уже всё будет в порядке. Это, в 60-х годах был такой анекдот. Он не смешной, но умный. Запросили центральный компьютер: «Как достичь мира во всем мире?» Неделю целую работала ЭВМ и, наконец, выдала ответ: «Для того, чтобы установить мир во всем мире, нужно уничтожить всё людское население земного шара».

Так вот, отрицание бытия Бога, особенно квалифицированное – это редкость.

Из воспоминания о.Иоанна Замараева: «В юности я ошибочно думал, что самый большой враг Церкви это атеизм. Еще он тогда, как бы в насмешку, назывался «научным». Я искренне так считал и решил посвятить годы своего образования как раз этой проблеме – теоретической борьбе с атеизмом. Восемь лет образования в среднем и высшем духовных учебных заведениях. Специализация по истории философии, соответствующая тема работы и т.д.

Главное, конечно, настрой. Помню, Ленинградская Духовная академия – это было единственным в СССР заведением, в которое поступала передовая западная богословско-философская литература. Её, конечно, не выдавали на руки, но по специальному разрешению позволяли в читальном зале пользоваться. Так вот, мы с сокурсником закармливали шоколадом библиотечных девчат до такой степени, что они, нарушая распорядок, выдавали нам эти издания на ночь. Ксероксов тогда не было, и мы щелкали фотоаппаратом – переснимали на фотопленку, микрофильмировали эти книги. До сих пор у меня хранятся километры лент.

Готовились как на фронт. Никто нас не заставлял – сами понимали – враг не дремлет. И вот настало время. Высокопреосвященнейший Митрополит Одесский и Херсонский Сергей (Петров) меня рукоположил в священный сан и назначил настоятелем Свято-Сретенской Церкви – этого вот самого храма. 19 лет назад, я приступил к служению. И, как сейчас помню, неспокойно на душе, жду нападения идеологического врага. Перечитываю книги, конспекты, освежаю в голове аргументы, всевозможные схемы диспутов. Жду.

А врага всё нет и нет. Ни одного живого воинствующего атеиста. Мне обидно. Что ж я даром восемь лет потратил! Я стал выискивать. Всех знакомых спрашивать. А потом прямо-таки взмолился – хочу видеть живого атеиста. Единственный человек, который откликнулся на мою мольбу, это был Владимир Андреевич Быстров (Царство ему Небесное) – известная в Херсоне личность – выдающийся библиофил, высокого класса специалист по экслибрисам и т.д. Многие знали его как прихожанина нашего храма. Так вот Владимир Андреевич «сосватал» меня с человеком №1 по атеистической работе. Мелецкий, если кому-нибудь из Вас что-то говорит эта фамилия. Мелецкий на протяжении многих лет отвечал за атеистическое воспитание по всей Херсонской области.

Долго ждал я его прихода – с крайним нетерпением. И вот, наконец, наступила долгожданная встреча. Своей супруге я поручил накрыть стол, чтобы достойно встретить уважаемого оппонента. Вообще, это курьезный случай был. Мы сидим, угощаемся, разговариваем на разные нейтральные темы. Мне, как хозяину дома, неудобно провозгласить своего идеологического противника. Мелецкий тоже – человек воспитанный. В общем, ёрзал я на стуле довольно долго. И, наконец, мой гость, очевидно, проникся моими внутренними страданиями и всё мне объяснил. Он рассказал одну историю из своего детства. То, о чем мне было поведано, было очень важным и многое делало понятным.

В отроческом возрасте жил он в сельской местности недалеко от храма. По соседству был дом священника с приусадебным участком. Там был сад, обильно плодоносящий яблоки и груши. Поскольку, как известно, краденое яблочко всегда вкуснее, ребята не оставляли без внимания батюшкино достояние. Отец Пафнутий, или как его еще там звали, был человеком суровым и не разделял детской радости ребят, вкушающих фрукты, забравшись на макушки фруктовых деревьев. Более того, он всячески возражал против досрочного построения коммунизма на отдельно взятой территории, сиречь на его усадебном участке. Его преподобие стало бороться с подобными прокоммунистическими идеями и словом, и делом. Для пущей убедительности он подобрал подходящий дрын. А для неотразимости своей аргументации, в

этот дрын набил еще и гвоздей. Получился такой ёжик, скрещенный с ужом.

И вот тихим и тёплым августовским вечером, помявшись, отец Пафнутий засел в сарай. Неважно, сколько он там ждал. Главное, не зря сидел. Послышались осторожные шаги, затем шуршанье листьев. Тут батюшка и выбегает из своего укрытия и, размахивая своей колючей палкой, с криком «антихристы», бежит в сторону внучков Ильича. Трое ребят были порезвее, они мигом поспрыгивали с деревьев и одним махом очутились уже по ту сторону забора. А Мелецкий был мальчиком менее поворотливым, и батюшка своим дрынком его-таки достал.

Окончив свою историю, Мелецкий поднял штанину и показал мне шрам, отчётливо выделявшийся на его ноге.

Это было ответом на все мои вопросы.

Я до сих пор благодарен ему за искренность. Он мог бы об этом ничего не говорить, и тогда трудно было бы понять внутреннюю мотивацию его общественной деятельности. Причём, он не делал из этого секрета. Это не было исповедью или доверительным разговором. Поэтому я спокойно могу об этом поведать своему брату и сёстрам во Христе...»

Обида на священника или разочарование священником. На самом деле, это популярный мотив отказа от Бога. Священник – он же должен быть таким неземным – ангелом. Ему даже туалет как-то неприлично посещать. А он вообще... Третьего дня пьяным напился в стельку. Ну не в стельку – это сапожники так напиваются, духовные лица – до положения риз. Так вот, прежде чем вырубиться, представляете – ужас какой – к Машке приставал! Ну, раз так, то никакого Бога нету уж точно.

Здесь, конечно, нельзя защищать наших батюшек. Да и сам себя я не собираюсь оправдывать. Если прочитать Иоанна Златоуста – «Слово о Священстве», то хочется сразу же снять крест и облачение и держаться от алтаря подальше. Да и вообще, если строго по судить, из 100 храмов – 99 нужно будет закрыть, а то и все 100. Где набрать праведников, чтобы на каждый приход хотя бы по одному хватило. Негде. Беда, а что делать?

С другой стороны, Бог-то здесь причём? Богу тоже, по всей видимости, неприятно смотреть на эту дрянь.

Сказать, что Бога нет потому, что церковники такие-сякие – это грубая логическая ошибка. Это всё равно, что заключить, мол, «стариков нужно уважать потому, что дядя Вася живёт в Харькове». В логике, как дисциплине, название для этой ошибки имеется – «*quatercio terminogum*». А в народе это звучит проще – «на городі бузина, у Києві - дядько».

Глупо строить идеологию Богоотрицания на крестовых походах, инквизиции, невежестве церковников и т.д. Но именно так это и делается. И не потому, что ума не хватает, а потому, что Церковь надо придушить как систему, как структуру, влияющую на сознание людей. Зачем какая-то библейская идеология? У нас есть коммунистическая. Не надо нам Церкви – у нас партия – ум, честь и совесть.

Или просто так хочется. Вот хочется, чтобы Бога не было. Жить так проще. И пускаются тогда в ход любые доводы, пусть даже совсем смешные и несостоятельные. В психологии это называется «**ВЫТЭСНЕНИЕМ**». Вытеснением памяти, вытеснением рассудка. Например, человек начисто стирает из своего сознания реальный факт из собственной жизни. Принцип простой. Память мне говорит о том, что это со мной **БЫЛО**. Гордость возражает – со мной этого быть **НЕ МОГЛО**. И со временем память уступает. Человек перестает верить в то, что с ним действительно это было на самом деле.

Если человек не верит – не нужно думать, что он невежественный и глупый. Он просто этого не хочет. У него есть мотивы. А если человек не просто неверующий, а воинствующий атеист, то это также отнюдь не есть результат умственной деятельности. Это либо работа такая, за которую платили деньги в свое время, или серьезная обида на Церковь, как это было с Мелецким, как это было с Осиповым – бывшим преподавателем Ленинградской Духовной академии, и прочими.

Не хочу – не вижу, не хочу – и не верю. Впрочем – это право каждого человека, вольного человека, обладающего драгоценным даром свободы.

Листочек не выбрасывайте, а кому-нибудь отдайте!